

Антигендерные движения в Беларуси, Грузии, Казахстане: сравнительный анализ

Нина Павлова, 2026

Исследование посвящено сравнительному анализу антигендерных движений в Беларуси, Грузии и Казахстане в 2022–2025 гг.

Цель исследования – картировать ключевых акторов антигендерных движений, выявить доминирующие нарративы, проанализировать институциональные и дискурсивные механизмы их распространения, а также изучить формы феминистского и квир-сопротивления. Особое внимание уделялось гипотезе о роли России как источника и экспортера антигендерной идеологии в регионе, однако влияние рассматривалось критически – с учетом локальной агентности и внутренних политических динамик.

Исследование основано на качественном сравнительном подходе и сочетает несколько методов:

- контекстуальный анализ законодательства и публичной политики (2022–2025);
- 9 глубинных полуструктурированных интервью с правозащитницами и активистками (3 – Беларусь, 2 – Грузия, 4 – Казахстан);
- дискурс-анализ заявлений государственных, общественных и медийных акторов;
- тематический анализ интервью с последующей триангуляцией данных.

Интервью проводились с 25 ноября по 29 декабря 2025 года методом «снежного кома» на русском и английском языках.

1. Беларусь: консолидированный репрессивный режим и институционализация антигендерной политики

В Беларуси антигендерная политика встроена в ужесточившийся после 2020 года репрессивный режим. Пространство гражданского общества практически уничтожено: независимые НКО ликвидированы или вынуждены работать в эмиграции или подполье.

Ключевые выводы по Беларуси:

- Антигендерная повестка институционализируется через расширительное применение законодательства об «экстремизме», цензуру, запреты и давление на ЛГБТ+ инициативы и ЛГБТ+ людей, включая уголовное преследование и силовой террор;
- Законодательные инициативы о запрете «ЛГБТ-пропаганды», поправки в закон «О правах ребенка», расширение определения «порнографии» формируют правовую базу для произвольного преследования;

- Акторы антигендерного движения в Беларуси, судя по словам информантов, действуют не столько как независимые агенты, сколько как элементы одной системы с заметным влиянием государственных структур, где ключевые инициативы часто исходят сверху. Центральным актором называли Александра Лукашенко;
- Антигендерные нарративы в Беларуси наиболее жестко встроены в авторитарную государственную идеологию, тесно переплетены с демонстрацией лояльности России и с открыто антизападным, псевдо-антиколониальным дискурсом;
- Отношения с Россией описываются как почти полная зависимость и унификация «во всех отношениях», включая антигендерную политику;
- Ключевыми формами сопротивления в Беларуси становится работа с информационным пространством и коалиционность в условиях почти полностью закрытого публичного поля.

2. Грузия: авторитарный дрейф и правовая легализация дискриминации

Грузия отличается от Беларуси и Казахстана формальным наличием антидискриминационного законодательства и ратификацией Стамбульской конвенции. Однако с 2022 года в стране наблюдается резкий консервативный поворот.

Ключевые выводы по Грузии:

- Принятие закона «О семейных ценностях и защите несовершеннолетних» (2024) фактически легализует дискриминацию ЛГБТ+ людей: запрещает «ЛГБТ-пропаганду» и гендерно-аффирмативные операции, вводит цензуру. Из законодательства исключен сам термин «гендер»;
- В Грузии сохраняется формальная возможность правозащитной деятельности, но она подтачивается репрессивными законами, жестким государственным контролем и потерей финансирования из-за закона об иностранных агентах;
- Несмотря на формальное отсутствие массового преследования за «ЛГБТ-пропаганду», усиливается давление на ЛГБТ+ инициативы и отдельных людей (в особенности транс-людей), фиксируется рост самоцензуры и насилия на почве ненависти;
- В Грузии антигендерное движение фрагментировано: с одной стороны, ключевыми акторами являются правящая партия и Грузинская православная церковь, с другой, ультраправая группировка Alt-Info, занимающаяся в том числе уличными нападениями и имеющая пророссийскую направленность;
- В Грузии антигендерная риторика сосредоточена вокруг антиевропейского и антилиберального нарратива, где признание каких-либо ЛГБТ+ прав редуцируется до признака утраты суверенитета и национальной идентичности, а сама тема становится инструментом политической борьбы вокруг европейской интеграции.
- Влияние России на Грузию описывается как гибридное давление, которое вызывает общественное сопротивление и потому вынуждено маскироваться.
- Грузинские правозащитницы отметили в качестве самых эффективных стратегий сопротивления солидаризацию, интерсекциональный подход, деполяризацию общества и отказ от изоляционистской политики идентичности.

3. Казахстан: гибридная модель и избирательная антигендерная политика

Казахстан характеризуется более противоречивой картиной. С одной стороны, в 2024 году под влияние общественных кампаний был принят закон, усиливающий ответственность за домашнее насилие. С другой – усиливается анти-ЛГБТ+ политика (принят закон о запрете «ЛГБТ-пропаганды»).

Ключевые выводы по Казахстану:

- В Казахстане репрессии против правозащитниц менее прямые, но системные: они реализуются через отказ в регистрации НКО и разрешении на проведение массовых собраний, административное преследование активисток и правозащитниц;
- Происходит постепенное, но системное встраивание анти-ЛГБТ+ норм в законодательство (в том числе закон о запрете «ЛГБТ-пропаганды»), одновременно фиксируется рост дискриминации и антигендерных настроений в обществе;
- Меры по противодействию гендерному насилию существуют, но пока не имплементируются, что сочетается с активным продвижением консервативной риторики;
- Государство выступает не столько открытым идеологическим лидером антигендерного движения, сколько скрытым модератором и бенефициаром низовой мобилизации родительских движений;
- Государство избегает прямой конфронтации с Западом, антигендерные нарративы формируются с помощью заимствований из российского и американского правового дискурса и не всегда полностью совпадают с официальной линией властей.
- В Казахстане влияние России проявляется как сочетание идеологического импорта, вероятных транснациональных связей между антигендерными активистками и внутреннего политического расчета, где российская модель используется властью избирательно, но системно.
- Казахстанские правозащитницы в качестве стратегий сопротивления выделяют локальную мобилизацию, международную солидарность и долгосрочный оптимизм.

Во всех трех странах:

- усиливается риторика защиты детей и «традиционных ценностей»;
- антигендерная повестка используется как инструмент политической мобилизации;
- сужается пространство гражданского общества;
- наблюдается заимствование российских законодательных и дискурсивных моделей;
- Антигендерная идеология становится удобным инструментом секьюритизации и конструирования образа «внутреннего врага».